

Шиктыбаев Т.Т.,
доктор юридических наук, профессор,
toksanbi@gmail.com¹

Абильдинова К.М.,
старший преподаватель
kamila_abildinova@mail.ru¹

Каспаева Р.С.,
доцент, raushankaspaeva@mail.ru¹

*Костанайский социально-технический университет
имени академика Зулхарнай Алдамжар,
110000 г.Костанай, пр-т. Кобыланды Батыра, 27¹*

КАЗАХСТАНСКОЕ ПРАВОСУДИЕ: ЕДИНСТВО И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА И ТАЙНЫ СЛЕДСТВИЯ

***Аннотация.** Статья посвящена философско-методологическому и междисциплинарному осмыслению одной из актуальнейших проблем правосудия – принципу гласности судопроизводства и тайне следствия. Признавая определенный кризис в системе казахстанского правосудия, сущностные и методологические противоречия принципа гласности судопроизводства и тайны следствия, авторы видят в этом серьезные упущения казахстанской гуманитарной науки – философии и теории права, отраслевых юридических наук.*

В работе выдвинуты следующие основные положения: 1) казахстанское правосудие (сущее) есть некий симбиоз, отражающий результаты конкуренции правосудия справедливого (должного), с одной стороны, – и целесообразного (произвольного), порой противоправного и противоречивого, – с другой; 2) исходя из диалектического закона единства и борьбы противоположностей, принцип гласности судопроизводства и тайна следствия по своей природе и сущности взаимно дополняют и предполагают друг друга, их взаимодействие и развитие происходят в форме конкурентной борьбы; 3) принцип гласности правосудия (ст. 29 УПК) и тайна следствия (ст. 201 УПК) в их конкуренции и противоречиях выступают частными случаями противоречивой социально-правовой действительности, частными проявлениями некоего противостояния либерально-демократического и постсоветского миропониманий – закрепленных в преамбуле и ст. 1 Конституции цивилизационных ценностей, приоритета прав и свобод личности, с одной стороны, и интересов органов уголовного преследования,

порой противоправных, – с другой; 4) осмысление изложенных в работе философско-методологических позиций и междисциплинарного подхода, принятие определенной их слабости казахстанской юридической общественностью является ключевым условием в гармоничном развитии отраслевых юридических наук в целом, становления принципа гласности судопроизводства и тайны следствия, в частности.

В работе использованы теоретический (логический) подходы, такие методы как анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и обобщение; эмпирический и прикладные методы (инструменты) как собственный опыт и наблюдения, результаты исследований и наблюдений других авторов, возможности генеративного искусственного интеллекта.

Ключевые слова: казахстанское правосудие, принцип гласности судопроизводства, природа принципа гласности судопроизводства, тайна следствия, сущность тайны следствия, разглашение данных уголовного судопроизводства.

Введение

Казахстанское правосудие, как и правосудие в любом цивилизованном обществе, занимает определяющее место и выполняет ключевую роль в структуре обеспечения верховенства права, защиты прав и законных интересов граждан, укрепления общественного порядка и доверия к государственным институтам. Между тем эффективность и качество правосудия в каждой отдельно взятой стране зависят от самых различных факторов. Среди них принципиальное значение имеют понимание природы и сущности принципа гласности судопроизводства (далее ПГС) и тайны следствия (досудебного производства) (далее ТС), их взаимной обусловленности.

Периодически возникающие в казахстанском дискурсе полемика и противоречия вокруг запрета ст. 201 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее УПК) права на свободное обнародование данных уголовного судопроизводства, периодическое применение ст. 423 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее УК) в отношении отдельных участников уголовного судопроизводства свидетельствует о некотором кризисе правоохранительной системы и казахстанского правосудия. Это же является серьезным основанием задуматься казахстанской юридической науке о том, что же происходит в отечественном законодательстве и правоприменении? В чем же недорабатывают отечественные юридические науки?

Мы исходим из того, что эффективность и качество современного правосудия в целом, эффективность его институтов и субинститутов, материальных и процессуальных норм во многом обусловлены пониманием обществом и государством сущностного методологического значения философии и методологии права в формировании самостоятельных отраслевых (прикладных) наук, справедливой законодательной и правоприменительной систем. Глубинное

понимание обозначенного и пиететное отношение общества и государства к ним, междисциплинарный подход, как представляется, и есть тот фундамент, на котором строится и функционирует объективное и беспристрастное правосудие.

На наш взгляд, следует признать, что казахстанская юриспруденция, как и постсоветская в целом, достаточно догматична и представлена больше через призму отраслевого подхода. Соответственно, вне должного внимания остаются теория и философия права, методология права и междисциплинарные методы познания как обозначенные неотъемлемые фундаментальные основы всякой общественной (гуманитарной) науки. Сегодняшние проблемы ПГС и ТС, на наш взгляд, есть частное проявление указанных глубинных философско-методологических упущений. Кстати, будет отметить, что сегодня в мировой науке и технологиях наблюдается устойчивый тренд, – успеха больше добиваются те общества и научные коллективы, которые опираются на междисциплинарный и системный подходы познания, единство фундаментальных и прикладных наук, единство дедуктивного и индуктивного методов.

Обозначенное в совокупности предопределило актуальность, предмет и цель, метод и новизну исследования.

Предметом исследования стали вопросы природы и сущности принципа гласности судопроизводства, тайны следствия в их диалектическом единстве и противоречии в казахстанском правосудии, **целью и новизной** – выявление, описание и объяснение на их основе сущностных и методологических противоречий ПГС (ст. 29 УПК) и ТС (ст. 201 УПК) как отправной точки для переосмысления их состояния в структуре отраслевых наук, совершенствования законодательства и правоприменения.

Методология

Основу метода исследования составили философско-категориальный и междисциплинарный, теоретический (логический) подходы, такие методы как анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и обобщение; эмпирический и прикладные методы (инструменты) как собственный опыт и наблюдения, результаты исследований и наблюдений других авторов, возможности генеративного искусственного интеллекта.

Обзор литературы

В написании работы автор опирается на философские умозаключения таких мыслителей как И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Шарль Луи Монтескье и др., результаты научных трудов И.И. Покровского, М.К. Сулейменова, А.Г. Диденко и др.; автор обращается к нормам международного права и отечественного законодательства.

Результаты и обсуждения

1. Принцип гласности судопроизводства, его природа и сущность

Принцип гласности судопроизводства, с одной стороны, – есть самодостаточный конструкт, с другой, – частный производный элемент больших явлений (больших систем, феноменов познания), что и предопределяет природу и обуславливают сущность данного правового

отраслевого принципа. Во-первых, он произведен от такого фундаментального права человека как право на свободу слова (свободное выражение мнения), выступающего одним из определяющих признаков гражданского общества и правового государства. Как известно, значение свободы слова в гражданском обществе и правовом государстве, к каковым относит себя и Казахстан¹, состоит в том, что именно свобода слова олицетворяет и обеспечивает плюрализм мнений, независимость СМИ и социальных сетей, неотъемлемое право граждан участвовать в управлении обществом и контролировать государственную власть на основе верховенства права. Отсюда прямо следует, что без свободы слова невозможно функционирование демократии и не может быть открытого диалога между обществом и государством, подотчетности второго перед первым. Принцип гласности судопроизводства в этой логике есть не что иное как форма обеспечения принципа свободы слова в такой важнейшей сфере социально-правовой регуляции как правосудие.

Во-вторых, ПГС как частное (отраслевое, юридическое) выражение фундаментальной ценности как свобода слова отражает определяющую суть (природу и сущность) правосудия как открытого и публичного, тем самым обеспечивая его беспристрастность и объективность в неотъемлемой логике самого цивилизационного принципа верховенства права. Принцип гласности судопроизводства как таковой направлен на обеспечение гарантий плюрализма мнений (в особенности состязательности сторон) и соблюдение основных начал материального и процессуального законодательства, обеспечение независимости СМИ в освещении судебного процесса и неотъемлемого права граждан и народа (единственного источника власти) контролировать законность и обоснованность деятельности правоохранительных органов и судов этой важнейшей социально-правовой сфере. Соответственно, ПГС есть одно из определяющих основных начал правосудия, без которого невозможно говорить о судопроизводстве как справедливом и беспристрастном, соответствующего требованиям гражданского общества и правового государства.

В-третьих, важно понимать, что существование ПГС в обозначенных двух ипостасях обусловлено самой идеей права, его природой и сущностью, а его противоречия – самой тысячелетней проблемой правопонимания. Глубоко прав И.А. Покровский, который прямо писал: «Чем больше усугубляется исследование юридических проблем, тем яснее обнаруживается, что сплошь и рядом в основе вызываемых ими споров и разногласий лежит не что иное, как именно глубокое расхождение в философской подпочве этих проблем, в самых этических предпосылках для их разрешения...» [1, с.77]. В этой логике, природу всякого явления, как представляется, легче осмыслить через такую конструкцию как триединство мироздания («вещи в себе» [2]): идеи –

¹Важно отметить, что свобода слова, как и другие обозначенные цивилизационные ценности в качестве фундаментальных принципов нашли отражение в Конституции Республики Казахстан 2026 г., занимали важное место в конституциях 1993 и 1995 годов.

(«абсолютного духа»[3])– материи(некая субстанция, безмерный носитель) – меры(определенности границ идеи и материи).На наш взгляд, будет интересным применить данную конструкцию и к праву, и к проблеме правопонимания как к отправной философско-методологической точке познания всякой частной юридической проблематики–проблемы ПГС и ТС в их единстве и конкуренции.

Как известно, право есть категория (сущность) фундаментальная, тем не менее в логике целостного и глубинного познания и оно (право) есть всего лишь элемент категоризации мироустройства (формапознания социокультурного бытия человека) и инструмент социальной регуляции. На наш взгляд, в обозначенном триединстве право есть мера, причем частная, которая: а) напрямую производна от меры как неотъемлемого первичного элемента обозначенного триединства–всеобщего «замысла»природы (*по Канту*); б) отражает, с одной стороны,социокультурную (цивилизационную, этическую, эстетическую) природу и сущность человека как высшего разумного существа; с другой, – учитывает природу и потребности человека как вида в общей систематике животного мира.

Мы исходим из того, что всякий закон, физический и биологический, правовой или деспотический есть мера, которая с необходимостью очерчивает количественные и качественные границы, порядковые определенности всеобщего духа и материи как абстрактной материальной субстанции. Другое дело, что формирование человеческих (социальных) законов по этому же всеобщему (божественному) «замыслу» природы делегированы самому человеку как существу «разумному и ответственному»².На наш взгляд, – это высочайшее доверие человеку и, одновременно, это доверие –величайшая проблема современного человечества.

Думается, глубоко прав Шарль Луи Монтескье, когда пишет: «...все, что существует имеет свои законы, они есть и у божества, и у мира материального, и у существа сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека»[4, с.9].В логике изложенного, гласность судопроизводства, возведенный в принцип, есть частное отражение цивилизационных законов, выработанных историей и способом человеческого бытия, и который справедливо нашел свое место в процессуальном законодательстве в качестве одного из его основных начал. Поэтому проблема гласности судопроизводства в казахстанской социально-правовой действительности, на наш взгляд, имеет более глубокие корни чем юридико-теоретические, тем более отраслевые.

Мы придерживаемся позиции, что право, с одной стороны, есть мера социально-психологическая [1,с.60]и социально-политическая, ограничивающая и регулирующая бездушные (рациональные) поведенческие акты человека (права, обязанности, ответственность) в борьбе за

² Хотя, конечно, сам ход исторического бытия человека, не лишним будет напомнить, вызывает некое сомнение о природе и сущности человека как такового.

ограниченные ресурсы. В этой рациональной конструкции ПГС есть легитимный инструмент, имеющий своей миссией обеспечение объективного и беспристрастного правосудия, основанного на букве справедливого закона. С другой, – в цивилизованном обществе именно право формализует ценность (самоценность) человека (его жизнь, права и свободы), регламентирует его отношения с себе подобными и окружающей природой через этические и гуманистические нормы. И как таковая, право, на наш взгляд, представляет тот идейно-ценностный ориентир для всякой общественной регуляции (социального порядка) – это та нормативно-этическая формализованная мера, имеющая главной своей интенцией направить человека по пути созидательного и взаимоуважительного сосуществования, вытесняя тем самым насилие сильного субъекта над менее сильным (слабым) в структуре самого способа общественно-экономического и социально-политического бытия.

Принцип гласности судопроизводства, его понимание и отношение к нему в обозначенной дедуктивной логике, как видим, представляет собой не столько основные начала отраслевого законодательства, сколько отражает само правовое понимание законодателя, его понимание терминов правовое государство и верховенство права, отношение к ним в своей рутинной законотворческой деятельности. На наш взгляд, здесь важно понимать и обратное влияние устоявшего обыденного представления ПГС на правовое понимание законодателя общества в целом, понятие верховенства права и правового государства. Это обратная связь состоит в том, что именно из совокупности понимания и понятий обозначенного, других юридических конструкций складываются названные фундаментальные категории – формируются идея права и материя права.

Мы исходим из того, что понимание сказанного с неизбежностью есть идейная и нравственно-ценностная предпосылка формирования, соответствующего природе и сущности человека, гражданского общества и правового государства ПГС. Касательно казахстанской социально-правовой действительности правовые основы ПГС берут свое начало из преамбулы и фундаментальных ценностей и принципов Основного закона как признание приоритета прав и свобод человека высшей ценностью, признание единственным источником власти и суверенитета народа Казахстана, разделения государственной власти на законодательную, судебную и исполнительную и т.д. К правовым основам ПГС следует также отнести, закрепляющие права и свободы граждан другие конституционные нормы. В Конституции Республики Казахстан 2026 г. (далее *Конституция, Основной закон*) это, прежде всего, раздел 2, где в ст. 23 четко сказано, что свобода слова гарантируется, а цензура запрещена. В предыдущей Конституции (1995 г.) это ряд норм 2-го раздела, в частности статьи 12, 13, 14 и 20.

Можно, таким образом, предварительно утверждать: природа ПГС складывается как частное проявление: а) цивилизационных и социокультурных начал человека, разумеется, основанных на самом

«замысле» природы; б) правопонимания (с позиции теории естественного права) как продукта человеческого добродетельного разума, этики и нравственности, инструмента справедливой социальной регуляции³, с учетом, разумеется, обозначенного определенного обратного влияния понятия ПГС на формирование общественного правопонимания.

Казахстан – полноправный субъект международных отношений. Соответственно, к источникам правовой природы (правовым основам) ПГС необходимо отнести и международные документы. К примеру, ст. 19 Всеобщей декларации прав человека прямо утверждает: «...каждый человек имеет право ... получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Подобное положение содержит и ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, где сказано: «Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору».

Таковы, таким образом, цивилизационная и правовая природа (основы) гласности судопроизводства, разумеется, как принципа правосудия (судопроизводства) справедливого (должного)[1, с.17-18]. Именно из таковой природы вытекает (формируется) социокультурная (цивилизационная) сущность ПГС, априорная открытость и прозрачность судебных процессов, что позволяет всем заинтересованным лицам (в особенности СМИ, блогерам) присутствовать в зале судебного заседания и свободно получать информацию о ходе и результатах рассмотрения дела. Особенно это важно в уголовном судопроизводстве, на досудебных и судебных его стадиях, поскольку именно открытость помогает предотвращать злоупотребления (превышения) со стороны суда и органов уголовного преследования. На наш взгляд, именно ПГС во многом обеспечивает контроль общества над правоохранительной деятельностью и судебной системой, их беспристрастность и объективность, укрепляет общественное доверие к ним.

2. Должное и сущее принципа гласности в уголовном судопроизводстве, их симбиоз

В незыблемой логике и такой же концепции Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее УПК) ПГС нашел закрепление в ст. 29 данного Закона. Используя термин незыблемый, мы исходим из того, что правосудие, как и национальная правовая система в целом, отражает не только должную (справедливую и гуманистическую) в философско-методологическом и идейно-ценностном, этическом плане парадигму (модель) механизма процессуальной реализации норм материального права, но и далеко не свободно от рутины и противоречия

³ Природа принципа гласности может выводиться с позиции позитивного права и др. теорий правопонимания, тогда его природа будет выглядеть несколько иначе. Это тема отдельного исследования.

самого способа казахстанского бытия, интересов доминирующих слоев общества и их когнитивных доминант.

По этой причине, важно понимать, что казахстанское судопроизводство, как и всякого иного государства, есть правосудие сущее – представляет собой некий симбиоз судопроизводства с позиции цивилизационно-ценностного, основанного на приоритете прав и свобод человека (должного), с одной стороны, и судопроизводства с позиции защиты преимущественно интересов устоявшегося казахстанского правопорядка и общественно-экономической стабильности, основанных на постсоветском (советском) мировоззрении и ментальности, приоритете соответствующих им идей и конструктов, амбиций и т.д., – с другой. В таковой противоречивой конструкции казахстанское правосудие, включая ПГС, есть не что иное как неизбежный результат конкуренции и некоего компромисса обозначенных позиций – правосудия должного и правосудия целесообразного в сегодняшней ситуационно-рутинной социально-правовой и общественно-экономической действительности.

Симбиоз этот в ст. 29 УПК представлен в таковой конструкции (формате) как общее правило и исключение, где: а) правило выражено в редакции: «Разбирательство уголовных дел во всех судах и судебных инстанциях происходит открыто»; и б) исключение, в свою очередь, сформулировано из трех следующих составляющих: 1) «Ограничение гласности судебного разбирательства допускается лишь, когда это противоречит интересам охраны государственных секретов и иной охраняемой законом тайны»; 2) «Закрытое судебное разбирательство допускается по мотивированному постановлению суда по делам об уголовных правонарушениях несовершеннолетних, по делам о половых преступлениях и другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц, а также в случаях, когда этого требуют интересы безопасности потерпевшего, свидетеля или других участвующих в деле лиц, а также членов их семей или близких родственников»; 3) «В закрытом судебном заседании рассматриваются также разрешаемые следственным судьей жалобы на действия (бездействие) и решения органа, осуществляющего уголовное преследование».

Текст ПГС, на наш взгляд, это та точка бифуркации, где посредством языковой игры (по Витгенштейну) и некоторого нарушения смысловой логики «правило и исключение» происходит искажение (определенная подмена) идеи и содержания ПГС. Исключение есть вынужденное единичное отступление от общего правила (закономерности), которое только подтверждают и укрепляют силу общего правила. Редакция ст. 29 УПК, как видим, говорит об обратном, – создает неоправданно довольно широкий перечень исключений, ограничивающих действия ПГС, которые ярко проявили себя и развились в ст. 201 УПК.

Если конкретизировать, то наше несогласие с ограничениями ПГС, обусловленными необходимостью защиты государственных секретов и иной

охраняемой законом тайны, выражается в следующем. Общеизвестно, что закон и право далеко не равнозначные категории – закон может быть и противоправным – противоречить интересам защиты естественных прав личности, быть антиконституционным. Наличие в стране Конституционного суда прямое ему подтверждение. Поэтому отсылка к закону, наряду с возможностью широкого толкования понятия интересов охраны государственных секретов и иной охраняемой тайны, никак не может быть оправданным.

На наш взгляд, это серьезная проблема недооценки законодателем различения понятий верховенство права и верховенство закона, а также такого методологического принципа как определенность права[1, с.89-105]– принципа, сильно недооцененного постсоветской правовой действительностью, которые негативно отражаются на законотворчестве – на принципах отраслевого законодательства и букве закона. Мы полагаем, что сущность и пределы ограничения гласности, исходя из вынужденной (исключительной) необходимости должны быть четко очерчены (прописаны) нормами самой ст. 29 УПК, а не делегированы другим законодательным актам.

Касательно положения п. 1 ст. 29 УПК, который регламентирует рассмотрение в закрытом судебном заседании жалобы на действия (бездействие) и решения органа, осуществляющего уголовное преследование, на наш взгляд, законодатель не учел следующее. Во-первых, судья всякого суда подчинен морально-этическим, профессиональным и иным требованиям. Отличие следственный судья от состоит лишь в том, что он специализируется на определенном виде судебной деятельности. Следственному судье свойственны все возможные ошибки и пороки, которые характерны для всякого судьи. Во-вторых, как известно, досудебное следствие есть стадия уголовного правосудия, где наиболее остро происходит противостояние прав и свобод гражданина (личности), с одной стороны, и интересы органов уголовного преследования со своими ведомственными задачами и отчетностью, которые предопределяют поведение должностных лиц органов уголовного преследования, – с другой.

На наш взгляд, здесь крайне важно понимать, что следственный суд: а) формально и по букве закона осуществляет профессиональный контроль за досудебным производством – проверяет обоснованность и законность ходатайства о проведении следственных действий (обысков и выемок, прослушивании переговоров и т.д.), применения меры пресечения; и б) будучи представителем государственного органа, в своей практической деятельности он не может не считаться, хотя бы в той или иной мере, с интересами органов уголовного преследования и благополучием юридической отчетности.

Разумеется, следственный судья процессуально самостоятелен и самодостаточен, подчинен отличными от органов уголовного преследования задачам и принципам. В условиях постсоветской действительности, тем не менее он не свободен от некоторого искаженного понимания главной задачи

государства –обеспечения стабильного правопорядка и общественного спокойствия, порой в ущерб принципу верховенства права и обоснованности ограничения ПГС. Противодействие преступности, разумеется, государственная задача – в определенной мере она сближает и объединяет представителей уголовного преследования и следственного судью в их профессиональной деятельности. С одной стороны, в этом как бы ничего плохого нет, с другой, – это тот спекулируемый посыл, который побуждает законодателя, например, к созданию существующей редакции ст. 29 УПК, следственного судью быть лояльным к необоснованным действиям органов уголовного преследования. Редакция ст. 29 УПК, на наш взгляд, – в рассматриваемой части это тот посыл, который в некоторой мере уводит судебный контроль за действиями органов уголовного преследования от справедливого правосудия и верховенства права.

Таким образом, из трех исключений из фундаментального принципа гласности судопроизводства, как представляется, два далеко не безупречны и требуют философско-методологического и междисциплинарного переосмысления, а ст. 29 УПК, соответственно, нуждается в новой редакции.

3. Тайна следствия, ее природа и сущность

Тайна следствия представляет собой одну из рутинных и сложнейших сущностей как в постсоветской юридической науке, так и правоприменении. Ее целостное понимание неразрывно связано, с одной стороны, с ПГС, с другой – она имеет самодостаточную свою природу, также неразрывно связанную с тайной природы и сущности самого человека и окружающей действительности в их единстве и противоречиях. В самом общем глубинном представлении ТС, на наш взгляд, производна от тайны как философской категории, которая, в свою очередь, отражает нечто и ничто, вещь в себе и, одновременно, – ее трансцендентные признаки.

Важно отметить, что в своей философской многомерности тайна как смысловая категория, прежде всего, противостоит человеческому разуму в его исторической и сущностной примитивности и ограниченности. Так, для человеческого познания (отдельного ребенка и *Homosapiensa*) появившегося на «свет» из небытия и из этой тайны, он сам есть тайна, нечто с заложенными «замыслом» природы (*по Канту*) [5, с.34-51] в него инстинктами выживания и разумным познавательным потенциалом.

Введя в свое понимание и оборот тайну как философскую и лексическую категории, человеческий разум в своем динамическом развитии, на наш взгляд, пока еще не смог значимо преодолеть свое первородное непонимание (неведомость, невежество) на пути попытки глубинного и целостного осмысления мироздания и миропорядка, собственной природы и сущности, своего места в окружающем его нечто и ничто. В таковой конструкции проблема тайны следствия, как представляется, есть частное проявление всей сложности обозначенного – сложности противоречивого бытия и конкурентного человеческого сосуществования, обусловленной, разумеется, в т.ч. и спецификой рутинного противоречивого правосудия.

Противоречие природы ТС с позиции здравого смысла и юридической логики, по нашему мнению, состоит в том, что, с одной стороны, задачами следствия (судебного и досудебного) выступают установление факта правонарушения и его обстоятельств, установление участников и юридическая квалификация их поведения в интересах обеспечения защиты прав и свобод личности, общества и государства, защита прав и законных интересов самих участников судопроизводства. А эти задачи, в свою очередь требуют невмешательства сторонних лиц в этот процесс – обеспечение самостоятельности органов правоприменения, ограничение доступа к материалам уголовного дела. В этой логике ТС есть эффективный инструмент объективного правосудия.

С другой, – природа человека такова, что в нем, одновременно, уживаются добро и зло, альтруизм и оппортунизм (эгоизм), многие другие противоречия. В век глобализации и цифровых технологий, демократизации и либерализации, усиления борьбы за комфортное проживание и ограниченные ресурсы, с неизбежностью приводит к тому, что информация (сведения) становятся одним из основных и определяющих инструментов (ресурсов) в борьбе за «место под солнцем». В этих условиях в руках нерадивых представителей органов правоприменения ТС может стать и эффективным инструментом произвола и необоснованного принуждения, инструментом коррумпированных схем.

Отсюда можно утверждать, что природа ТС проистекает из философской и социокультурной категории тайна, означающей нечто неразгаданное, ещё не познанное; нечто скрываемое от других, известное не всем (секрет). С позиции должного (справедливого) она обусловлена, во-первых, интересами (безопасностью) государства и национальной идентичности – необходимостью защиты публичных интересов правосудия в общей системе обеспечения правопорядка и миропорядка; во-вторых, интересами (частными правами) индивида, отнесенных Конституцией к высшей ценности государства – необходимостью обеспечения защиты частной жизни индивида, особенно приоритета защиты личности и прав несовершеннолетнего, вовлеченных в сферу рутинного странового правосудия.

Касательно ТС как явления сущего, то, наряду с обозначенным пониманием ТС с позиции должного, ее симбиотический характер обусловлен наличием в этом рутинном процессе общественно-экономической и ситуационной необходимости, оппортунизма и корысти, карьеризма и приспособленчества.

В самом общем представлении смысл ТС складывается из необходимости обеспечения защиты различных правоохраняемых объектов, имеющих разные, зачастую конкурирующие социально-правовые статусы и практическую значимость в рутинной деятельности общества и государства, в повседневной жизни индивида. Данное противостояние наиболее ярко наблюдается в конкуренции между необходимостью обеспечения защиты интересов защиты государственной и служебной тайны, выражающихся в

большей части интересами обвинения, с одной стороны, и интересами либерального общества, естественным правом человека на свободу слова и мнения, правом народа на общественный контроль за осуществлением правосудия, – с другой.

В казахстанском уголовном правосудии в виде ограничения (исключения) ПГС они перечислены в ст. 29 УПК, серьезно трансформированных в нарушение диалектического закона единства и борьбы противоположностей текстом ст. 201 УПК. Каждый из охраняемых ТС интересов, без всякого сомнения, есть самоценный и самостоятельный объект юридической защиты, обеспечивается всей системой юридических механизмов и социально-правовых институтов. Концепция ст. 29 УПК в обозначенной конкуренции прямо отражает приоритет естественных прав человека и либеральных ценностей над государственным принуждением, представляя необходимость защиты интересов государственной и служебной тайны как исключение в общем принципе гласности судопроизводства, обязывая Суд выносить мотивированное постановление об ограничении разглашении данных конкретного уголовного дела.

На наш взгляд, достаточно сложно определить, где проходит грань между правами и свободами человека, ПГС, с одной стороны, государственными и служебными интересами (интересами правосудия), – с другой. Без сомнения, это вопрос философии и теории права, предстает в юриспруденции как соотношение прав и обязанностей гражданина, понятия государственной и служебной тайн.

Закон РК о государственных секретах от 15 марта 1999 г. определяет: «Государственная тайна – сведения военного, экономического, политического и иного характера, разглашение или утрата которых наносит или может нанести ущерб национальной безопасности Республики Казахстан»; «служебная тайна – сведения, имеющие характер отдельных данных, которые могут входить в состав государственной тайны, разглашение или утрата которых может нанести ущерб национальным интересам государства, интересам государственных органов и организаций Республики Казахстан» (ст. 1). С одной стороны, как бы все верно, с другой, – толковать использованные в данных определениях термины можно довольно широко и по-разному. А это, ни много, ни мало размывает, как представляется, саму суть – сущность и природу ТС как исключение из принципа гласности судопроизводства.

В самом общем представлении ТС – это совокупность сведений (информация), охраняемых законом, которые касаются хода и результатов досудебного производства (предварительного расследования), а также определенных сторон личности сторон участников уголовного судопроизводства. В УПК и Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее УК) представлены как данные досудебного расследования, не подлежащие разглашению. Данное понятие характеризует ТС через определение предмета ее защиты.

Как известно, сущность всякого явления предопределяет его природа. Природа ТС в казахстанской действительности (как обозначенный симбиоз) такова, что она обуславливает сущность ТС не только с позиции должного правосудия, но и с позиции казахстанского миропонимания в лице законодателя и правоприменителей, – а именно больше с позиции понимания ТС как эффективного инструмента выполнения задач уголовного преследования, нередко в ущерб правам и интересам личности, в ущерб истинному правосудию – принципам гласности, состязательности и т.д.

В законодательстве и правоприменении казахстанской действительности эта симбиотическая сущность ТС обеспечивается установлением ее приоритета над ПГС, презюмированием ТС в следующей редакции: «...Они (*данные досудебного расследования* - Т.Ш.) могут быть преданы гласности только с разрешения прокурора в том объеме, в каком им будет признано это возможным». (п. 1. Ст. 201 УПК); «... если разглашение данных досудебного производства совершено без согласия прокурора, а также данных закрытого судебного разбирательства без согласия судьи – наказывается...» (п. 1 ст. 423 УК).

На наш взгляд, перед казахстанской наукой сегодня стоит серьезная задача по обоснованию самой сущности ТС, разумеется, опираясь на ее обозначенную истинную природу.

4. Единство и противоречия принципа гласности и тайны следствия

Единство и противоречия ПГС и ТС по своей природе есть частное проявление закона диалектики единства и борьбы противоположностей. Суть этого закона применительно к ПГС и ТС состоит в том, что их единство (взаимодействие) и борьба являются источником их развития; они не могут существовать друг без друга, взаимно предполагают друг друга; это взаимодействие происходит в форме борьбы; при этом источник их саморазвития находится как в их природе, так и сущности.

Единство природы ПГС и ТС, в дополнение к сказанному, состоит в том, что они являются частными проявлениями в структуре “замысла” природы, природы человека и социокультуры, человеческих знаний и методов познания, результатов цивилизационного опыта, права и правосудия как инструментов социальной регуляции. В этой философско-методологической логике ПГС и ТС не столько противоречат друг другу, сколько противостоят⁴ друг другу с обозначенных позиций взаимного развития. С позиции правовой природы они сосуществуют, по-разному доминируя на разных стадиях процесса, где принцип гласности доминирует на стадии судебного разбирательства, а ТС – на стадии предварительного (досудебного) расследования.

Обозначенная взаимная обусловленность ПГС и ТС состоит в том, что принцип гласности судебного процесса обеспечивает общественный контроль за соблюдением законности и обоснованности мер принуждения

⁴ Противоречие и противостояние – это различные философские категории, у них различная смысловая нагрузка.

больше на главной (судебной) стадии, а тайна следствия, гарантирующая необходимую защиту данных уголовного дела в досудебном производстве, обеспечивает интересы правосудия от внешнего вмешательства – вмешательства со стороны различных заинтересованных лиц, СМИ и блогеров, органов власти и т.д. Этим самым ТС по своей природе должна служить объективному судебному следствию, в конечном счете – справедливому (должному) правосудию. По своей правовой природе ТС есть форма вынужденной необходимости ограничения фундаментального ПГС. Другое дело, что ТС как инструмент принуждения используется осознанно или некомпетентности со стороны отдельных представителей органов уголовного преследования.

Принципиально важно отметить, что как ПГС, так и ТС в своей первооснове проистекают из концептуального значения обозначенных цивилизационных ценностей, из приоритета прав и свобод личности, обеспечения их защиты, которые и определяют смысл права, существование и деятельность государства. По этой причине защита публичных интересов правосудия посредством ТС ни в коей мере не может ограничивать естественные права и свободы человека, если только последний своим поведением не создает угрозу для естественных прав и свобод другого человека, интересов общества.

На мой взгляд, это взаимная обусловленность должна достигаться посредством иерархического структурирования как главное судебное разбирательство в уголовном правосудии и стадия предварительного (досудебного) расследования; установлением гласности правосудия как презюмируемого принципа, а ТС – как исключение из этого принципа применительно к стадии предварительного расследования. Так должно быть с позиции истинного и справедливого (должного) правосудия, противоречия же возникают в правосудии рутинном – правосудии сущем. Исходя из обозначенной правовой природы и сущности ПГС и ТС применительно к казахстанской действительности обозначим некоторые их основные противоречия.

Главное противоречие ПГС и ТС в казахстанском уголовном правосудии – методологическое. Суть данного противоречия состоит в том, что ст. 29 УПК презюмирует⁵[6; 7, с.138-152]общепринятое в демократических обществах и правовых государствах открытость судебного заседания посредством принципа гласности. Это означает, что априори, без обоснования и доказывания: а) суды рассматривают дела в открытых судебных заседаниях, доступных для публики; б) граждане имеют право получать информацию о судебной деятельности и присутствовать на заседаниях; в) участники процесса и зрители имеют право вести аудио- и письменные записи хода разбирательства.

⁵В казахстанской правовой науке осмыслению юридической презумпции, анализу существующих по этой проблематике научных позиций уделили серьезное внимание М.К. Сулейменов и А.Г. Диденко.

Соответственно, согласно данному принципу, необходимость закрытого судебного заседания в определенных законом случаях (ст. 29 УПК) подлежит обоснованию и доказыванию посредством постановления суда⁶.

Статья 201 УПК, вопреки обозначенным требованиям ст. 29 УПК, юридической логики и разумности презюмирует тайну следствия в качестве одного из общих начал стадии досудебного производства. Так, согласно ст. 201 УПК, априори, без обоснования и доказывания участники уголовного расследования лишаются конституционных прав на свободу слова и свободное распространение информации как одного из условий и гарантий беспристрастного и справедливого правосудия, контроля со стороны общества. При этом, что также крайне важно, сторона обвинения в лице прокурора (с. 84 Конституции) по субъективному и оценочному мнению может разрешить (не обязан) предать гласности данные досудебного расследования; именно прокурор на основе своего понимания произвольно определяет в каком объеме возможно такое разглашение и не противоречит ли оно интересам расследования, не связано ли это с нарушением прав и законных интересов других лиц.

Презюмируя запрет на разглашение данных досудебного расследования, ст. 201 УПК, в отличие от принципа гласности, как видим, априори определяет правилом ТС, а ПГС – исключением. Таковое презюмирование, на наш взгляд, противоречит: а) принципу главной стадии уголовного судопроизводства – принципу гласности (открытости и доступности для публики хода и результатов судебного следствия); б) задачам УПК как-то: 1) беспристрастное, справедливое судебное разбирательство; 2) установленный законом порядок производства по уголовным делам должен обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного - незамедлительную и полную его реабилитацию, а также способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению уголовных правонарушений, формированию уважительного отношения к праву.

Касательно других принципов УПК, то ст. 201 данного Кодекса особенно и прямо противоречит таковым из них: правосудие осуществляется на началах равенства всех перед законом и судом (п.1 ст.21); уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон обвинения и защиты (п.1 ст. 23); защитник обязан использовать все предусмотренные законом средства и способы защиты свидетеля, имеющего право на защиту, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного (п.4 ст. 23); стороны, участвующие в уголовном процессе, равноправны, то есть наделены в соответствии с Конституцией Республики Казахстан и настоящим Кодексом равными возможностями отстаивать свою позицию (п.7 ст.23); суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны принять все предусмотренные законом

⁶ Некорректность юридической техники данной нормы мы рассмотрели выше.

меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, необходимых и достаточных для правильного разрешения дела (п. 1 ст. 24); каждый имеет право на получение в ходе уголовного процесса квалифицированной юридической помощи в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом (п. 1 ст. 27).

В существующей редакции ст. 201 УПК, как видим, ущемляет закрепленные Конституцией права и свободы человека и гражданина, нарушает право гражданина на судебную защиту своих прав и свобод (п. 1 ст. 12 УПК). Соответственно, при рассмотрении дел, связанных с разглашением ТС Суд обязан приостановить производство по делу и обратиться в Конституционный Суд Республики Казахстан с представлением о признании этого акта неконституционным (п. 2 ст. 10 УПК).

Заключение

Обозначенное позволяет сделать следующие утверждения:

1. Казахстанское правосудие (сущее) есть некий конструкт (симбиоз), отражающий результаты конкуренции (борьбы) правосудия справедливого (должного), с одной стороны, – и целесообразного (произвольного), порой противоправного и противоречивого, – с другой.

2. С позиции правосудия должного, являясь его неотъемлемыми элементами, принцип гласности судопроизводства и тайна следствия по своей природе взаимно дополняют друга в концепции диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Они не могут существовать друг без друга, взаимно предполагают друг друга, их взаимодействие и взаимное развитие происходят в форме борьбы.

3. Принцип гласности правосудия (ст. 29 УПК) и тайна следствия (ст. 201 УПК) в их конкуренции и противоречиях выступают частными случаями (подсистемами) казахстанской противоречивой социально-правовой действительности, частными проявлениями некоего противостояния либерально-демократического и постсоветского миропониманий, закрепленных в преамбуле и ст. 1 Конституции цивилизационных ценностей, приоритета прав и свобод личности, с одной стороны, и интересов органов уголовного преследования, порой противоправных, – с другой.

4. Осмысление изложенных в работе философско-методологических позиций и междисциплинарного подхода является ключевым условием в гармоничном развитии отраслевых юридических наук в целом, становления принципа гласности судопроизводства и тайны следствия в логике Справедливого Казахстана и принципа Закон и Порядок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. 353 с.

2. Кант И. Критика чистого разума. Пер. с нем. и предисл. Н. Лосского. СПб., тип. М. М. Стасюлевича, 1907. // Вещь в себе. Википедия // https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D1%89%D1%8C_%D0%B2_%D1%81%D0%B5%D0%B1%D0%B5. Дата обращения: 4.12.2025г.

3. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа» // Быкова, М.Ф. Абсолютный дух. Институт философии РАК // <https://iphras.ru/page50973574.htm>. Дата обращения: 4.12.2025г.

4. Монтескье, Шарль Луи. О духе законов / Шарль Луи Монтескье : / перевод с французского А. Горифельда/. – Москва : Издательство АСТ, 2022. 864 с.

5. Алексеев, С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху, – М.: Издательство НОРМА, 1998, – 416 с.

6. Сулейменов, М.К. Юридические презумпции и юридические фикции: гражданско-правовой аспект // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32679824&pos=6;-107#pos=6;-107. Дата обращения: 21.02.20025г.;

7. Диденко, А.Г. Фикции и презумпции в гражданском праве // Диденко А.Г. Избранное / Сост. Е. В. Нестерова. М.: Статут, 2019.С. 138-152.

REFERENCES

1. Pokrovskii I.A. Osnovnyeproblemygrajdanskogoprava. M.: Statýt (v serii «Klassikarossiiiskoitsivilistiki»), 1998. 353 s.

2. Kant I. Kritikachistogorazyíma. Per. s nem. i predisl. N. Losskogo. SPb., tip. M. M. Stasiýlevicha, 1907. // Ve v sebe. Vikipediia // https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D1%89%D1%8C_%D0%B2_%D1%81%D0%B5%D0%B1%D0%B5. Data obraeniia: 4.12.2025g.

3. Gegel, G.V.F. Fenomenologiia dýha» // Bykova, M.F. Absoliýtny dýh. Institýt filosofii RAK // <https://iphras.ru/page50973574.htm>. Data obraeniia: 4.12.2025g.

4. Monteske, Sharl Lýi. O dýhezakonov / Sharl Lýi Monteske : / perevod s frantsýzskogo A. Gorifelda/. – Moskva :Izdatelstvo AST, 2022. 864 s.

5. Alekseev, S.S. Samoesviate, chtoest ý Boganazemle. Immanýil Kant i problemyprava v sovremennýíýepohý, – M.: Izdatelstvo NORMA, 1998, – 416 s.

6. Sýleimenov, M.K. Iýridicheskíeprezýmptsii i iýridicheskíefiktsii: grajdansko-pravovoiiaspekt // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32679824&pos=6;-107#pos=6;-107. Data obraeniia: 21.02.20025g.;

7. Didenko, A.G. Fiktsii i prezýmptsii v grajdanskomprave // Didenko A.G. Izbrannoe / Sost. E. V. Nesterova. M.: Statýt, 2019.S. 138-152.

Шиктыбаев Т.Т.,
заң ғылымдарының докторы, профессор
toksanbi@gmail.com¹

Абильдинова К.М.,
Аға оқытушы
kamila_abildinova@mail.ru¹

Каспаева Р.С.,
доцент, raushankaspaeva@mail.ru¹

*Академик Зұлқарнай Алдамжаратындағы
Қостанайәлеуметтік-техникалық университеті,
110000 Қостанай қ., Қобыланды батыр даңғылы, 27¹*

ҚАЗАҚСТАНДЫҚ СОТ ТӨРЕЛІГІ: СОТ ІСІН ЖҮРГІЗУДІҢ ЖАРИЯЛЫЛЫҚ ҚАҒИДАТЫ МЕН ТЕРГЕУ ҚҰПИЯСЫ ҚАҒИДАТЫНЫҢ БІРЛІГІ ЖӘНЕ ІРГЕЛІ ҚАЙШЫЛЫҚТАРЫ

***Аңдатпа.** Мақала сот төрелігінің аса өзекті мәселелерінің бірі - сот ісін жүргізудің жариялылық қағидаты мен тергеу құпиясын философиялық-әдіснамалық және пәнаралық тұрғыдан пайымдауға арналған. Қазақстандық сот төрелігі жүйесінде белгілі бір дағдарыстың бар екенін, сот ісін жүргізудің жариялылық қағидаты мен тергеу құпиясының мәндік және әдіснамалық қайшылықтарын мойындай отырып, авторлар мұны қазақстандық гуманитарлық ғылымның - философия мен құқық теориясының, сондай-ақ салалық заң ғылымдарының елеулі кемшіліктерінің бірі деп қарастырады.*

Зерттеу барысында келесі негізгі ережелер ұсынылады: 1) қазақстандық сот төрелігі (болмыс) бір жағынан әділетті сот төрелігі (тиіс болуға тиіс нәрсе) мен екінші жағынан мақсатқа сай деп танылатын (ерікті), кейде құқыққа қайшы және қайшылықты сот төрелігінің бәсекелестігі нәтижелерін көрсететін өзіндік симбиоз болып табылады; 2) қарама-қайшылықтардың бірлігі мен күресінің диалектикалық заңына сүйене отырып, сот ісін жүргізудің жариялылық қағидаты мен тергеу құпиясы өзінің табиғаты мен мәні бойынша бірін-бірі өзара толықтырады және өзара болжайды, ал олардың өзара іс-қимылы мен дамуы бәсекелестік күрес нысанында жүзеге асырылады; 3) сот төрелігінің жариялылық қағидаты (ҚПК-нің 29-бабы) мен тергеу құпиясы (ҚПК-нің 201-бабы) өздерінің бәсекелестігі мен қайшылықтарында қайшылықты әлеуметтік-құқықтық болмыстың жекелеген жағдайлары, бір жағынан, Конституцияның преамбуласы мен 1-бабында бекітілген либералдық-демократиялық және посткеңестік дүниетанымдардың - өркениеттік құндылықтардың, адамның құқықтары мен бостандықтарының басымдығының, екінші жағынан, қылмыстық қудалау органдарының кейде құқыққа қайшы мүдделерінің қарама-қайшылығының жекелеген көріністері болып табылады; 4) жұмыста баяндалған философиялық-әдіснамалық ұстанымдар мен пәнаралық тәсілді пайымдау, сондай-ақ олардың белгілі бір әлсіздігін қазақстандық заң ғылымы қауымдастығының қабылдауы тұтастай алғанда салалық заң ғылымдарының үйлесімді дамуының, атап айтқанда сот ісін жүргізудің жариялылық қағидаты мен тергеу құпиясының қалыптасуының негізгі шарты болып табылады.

Жұмыста теориялық (логикалық) тәсілдер, сондай-ақ талдау мен синтез, индукция мен дедукция, абстракциялау мен жалпылау сияқты әдістер пайдаланылды; эмпирикалық және қолданбалы әдістер (құралдар), атап айтқанда авторлардың жеке тәжірибесі мен бақылаулары, басқа авторлардың зерттеулері мен бақылауларының нәтижелері, генеративті жасанды интеллект мүмкіндіктері қолданылды.

Түйін сөздер: *Қазақстандық сот төрелігі, сот ісін жүргізудің жариялылық қағидаты, сот ісін жүргізудің жариялылық қағидатының табиғаты, тергеу құпиясы, тергеу құпиясының мәні, қылмыстық сот ісін жүргізу деректерін жария ету.*

Shiktybayev T.T.
doctor of Law Sciences, Professor
toksanbi@gmail.com¹

Abildinova K.M.,
senior Lecturer
kamila_abildinova@mail.ru¹

Kaspaeva R.S.,
associate professor, raushankaspaeva@mail.ru¹

*Kostanay Social and Technical University
named after academician Zulkarnai Aldamzhar,
110000 Kostanay, ave. Koblandy Batyr, 27¹*

KAZAKHSTANI JUSTICE: UNITY AND FUNDAMENTAL CONTRADICTIONS OF THE PRINCIPLE OF PUBLICITY OF COURT PROCEEDINGS AND THE SECRECY OF INVESTIGATION

Abstract. *The article is devoted to the philosophical, methodological, and interdisciplinary examination of one of the most pressing issues of justice - the principle of publicity of court proceedings and the secrecy of investigation. Recognizing a certain crisis within the system of Kazakhstani justice, as well as the substantive and methodological contradictions between the principle of publicity of court proceedings and the secrecy of investigation, the authors regard this as a serious shortcoming of Kazakhstani humanities, including philosophy and the theory of law, as well as branch-specific legal sciences.*

The study puts forward the following main propositions: 1) Kazakhstani justice (the existing) represents a kind of symbiosis reflecting the results of the competition between fair justice (the proper), on the one hand, and expedient (arbitrary), sometimes unlawful and contradictory justice, on the other; 2) based on the dialectical law of the unity and struggle of opposites, the principle of publicity of court proceedings and the secrecy of investigation, by their nature and essence, mutually complement and presuppose each other, while their interaction

and development take place in the form of competitive struggle; 3) the principle of publicity of justice (Article 29 of the CPC) and the secrecy of investigation (Article 201 of the CPC), in their competition and contradictions, constitute particular cases of contradictory socio-legal reality and particular manifestations of a certain confrontation between liberal-democratic and post-Soviet worldviews-between civilizational values, the priority of human rights and freedoms enshrined in the Preamble and Article 1 of the Constitution, on the one hand, and the interests of criminal prosecution bodies, which may at times be unlawful, on the other; 4) comprehension of the philosophical and methodological positions set out in the article and of the interdisciplinary approach, as well as the acceptance of their certain limitations by the Kazakhstani legal academic community, constitute a key condition for the harmonious development of branch-specific legal sciences as a whole and, in particular, for the establishment of the principle of publicity of court proceedings and the secrecy of investigation.

The study employs theoretical (logical) approaches and such methods as analysis and synthesis, induction and deduction, abstraction and generalization. Empirical and applied methods (tools) were also used, including the authors' own experience and observations, the results of studies and observations by other authors, and the capabilities of generative artificial intelligence.

Keywords: *Kazakhstani justice, principle of publicity of court proceedings, nature of the principle of publicity of court proceedings, secrecy of investigation, essence of the secrecy of investigation, disclosure of criminal proceedings data.*